

Светлана
Кулакова

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ ВЯЧЕСЛАВА ПИЧУГИНА

Светлана Кулакова — искусствовед, член Союза художников РФ.

В 1994 году закончила государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина в Санкт-Петербурге по специальности «История и теория искусства».

Работает в областном художественном музее, заведует отделом современного искусства. Автор многочисленных публикаций, посвященных творчеству художников Зауралья, организатор и куратор концептуальных выставок. Редактор научно-популярного журнала «Музей и мы».

Живописцами не становятся — живописцами рождаются. Это изрядно перефразированное летучее выражение на все сто относится к курганскому художнику Вячеславу Пичугину, отмечающему в этом году свой 75-летний юбилей. Но слова наши — отнюдь не юбилейное славословие. По крайней мере для автора этой статьи, не понаслышке знакомого с шедеврами мирового искусства, творчество Вячеслава Пичугина от первой встречи с ним в 1985 году и по сей день остается образцом подлинной живописности.

Казалось бы, в творческих биографиях курганских художников из поколения Пичугина так много общего. Все они — дети сурового во-

енного времени, большинство – «птенцы гнезда Илюшина», замечательного педагога и художника, в каком-то смысле заменившего отца многим своим ученикам – послевоенным подросткам. В числе первых воспитанников Валериана Федоровича и Вячеслав Пичугин поступил в Свердловское художественное училище. Одни и те же преподаватели, одна на всех свердловская школа, одна пора «оттепели» и могучий поток «сурового стиля» в искусстве...

Однако лодка молодого живописца Пичугина на всех парусах стремилась к солнечному берегу. Пейзажи художника уже в середине шестидесятых отличались особой светоносностью и звучным многоголосием палитры. Взять хотя бы его самаркандские этюды того времени. Похоже, знойное солнце Азии разбудило живописный талант Пичугина, взбудоражило его пряной экзотикой восточного колорита. Вообще поездки по стране – Латвия, Средняя Азия, Северный Кавказ, Байкал, Башкирия, Крым, Урал, как и общение с маститыми живописцами в домах творчества и на Академической даче оставили просто неоценимый след в процессе становления и развития нашего художника. Особое значение в сложении его творческого метода, по признанию самого Вячеслава Пичугина, имело знакомство и многолетняя дружба с классиком отечественной живописи Дмитрием Александровичем Косьминым. Совместные поездки и работа на этюдах, присущие обоим художникам искрометный творческий темперамент и отменное чувство цвета, его природной эмоциональной изменчивости, пластичности – всё это самым положительным образом способствовало раскрытию щедрого колористического дара Вячеслава Пичугина.

Если рассматривать жанровые пристрастия художника, то здесь пальму первенства будут на равных оспаривать пейзаж и натюрморт. Не случайно в живописном наследии Вячеслава Пичугина есть немало композиций, объединяющих эти жанры. Кстати сказать, эта тенденция была весьма характерна для искусства 1970–1980-х годов – времени творческого расцвета нашего художника. Именно тогда в образном строе живописи проявился особый интерес к поэтической метафоре. Ломались границы пейзажа и интерьера, пейзажа и натюрморта: предметное человеческое окружение вступало в прямой диалог с пространством природы. При этом художники то сосредоточивались на красоте цветов или фруктов, совершенстве творений рук человеческих, то стремились передать грандиозность и гармонию природы, неумолимость её законов. Вот и Вячеслав Пичугин в композиции «Гурзуфская сирень» (1981) вечной стихии моря и скал противопоставляет эфемерную красоту букета сирени, хрупкость стеклянной вазы и фарфоровой посуды на подоконнике. А в «Хризантемах» (1976, КОХМ) живописец философски напоминает о бренности человека – пленника времени, поместив рядом с цветами на фоне зимнего пейзажа за окном часы – столь привычный предмет домашнего обихода. Но всякая философия невольно отступает перед красотой самой живописи и удивительно тонко переданной художником непостижимой тайной бытия. Так, органично сочетая в своём творчестве обыденность и романтизм, Вячеслав Пичугин обрёл узнаваемое лицо и неповторимые авторские интонации в искусстве.

После успешного выступления еще в 1971 году в Москве на выставке художников Урала, Сибири и Дальнего Востока с работами «Натюрморт с кактусом» (1969) и «Натюрморт с креветками» (1972, КОХМ) Вячеслав Пичугин надолго связал свои живописные поиски с жанром натюрморта. К тому же обозначившееся в семидесятые годы стремление во всех жанрах к картинной форме позволяло художнику соответствовать требованиям времени, оставаясь верным себе. Так, своими произведениями «Натюрморт с русским платком» (1981, КОХМ), «Натюрморт с дымковской игрушкой» (1984), «Натюрморт с хлебом» (1981), «Русский квас» (1984–1985) и «Осенняя радуга» (1985) Вячеслав Пичугин словно откликнулся на веяние времени – стремление к возрождению народных ремёсел и промыслов, национальных обычаев и традиций, избежав при этом какой бы то ни было нарочитости. К тому же сама эмоциональная, пластически выразительная манера его живописи, не чуждая декоративных моментов, весьма удачно работала на образ. Например, в «Натюрмorte с русским платком» живописец подчеркивает декора-

тивность естественного узорочья древесины на дощатой стене, передает торжественную пышность складок и яркость цветочной набойки павлово-посадского платка, тематически объединяет в натюрморте керамическую фигурку русского мужичка и сказочного петушка на открытке Татьяны Мавриной. Теплая золотисто-коричневая гамма в сочетании с черным и красным ассоциируются с деревенским уютом, народным праздником, счастливыми воспоминаниями детства.

Наиболее полно идея картинной формы в натюрморте выражена в композиции Вячеслава Пичугина «Голоса памяти» (1987, КОХМ). Поместив на переднем плане букет из колючего татарника в деревенском чугунке, художник насыщает фон натюрморта историческими сюжетными мотивами, используя композиционный приём монтажа. Здесь и пылающие русские храмы, и скорбный лик Христа в терновом венце, и крестьянки в поле, и стремительно скачущий всадник в будёновке. Драматизм образа усиливает сумрачный колорит картины, напоминающий тлеющие угли. Нужно отметить и выразительность белого полотна драпировки, рождающего ассоциацию с белой скатертью или саваном, рубищем мучеников-святых или белой рубахой, в которой наши предки шли на смертный бой. Живописец не раз очень удачно применял драпировку в своих натюрмортах. К примеру, в «Натюрморте с рябиной» (1992) глубокий синий цвет ткани с резкими угловатыми изломами складок вносит оттенок тревоги и печали в торжественный строй натюрморта. А в «Натюрморте с конским щавелем» (1984) яркая синева драпировки создает впечатление ночного неба, на фоне которого букет огненно-красного конского щавеля становится похожим на огромный костёр. Череп барана с витыми рогами будто выбелен солнцем, высушен степными ветрами-суховеями. Как тут не вспомнить блоковское: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы!»

Ассоциативная образность довольно часто присутствует в натюрмортах Вячеслава Пичугина. Если в «Натюрморте с конским щавелем» она проявляется как бы вторым планом – на первом безусловно царит экспрессия самой живописи, то в натюрморте «Бессмертники» (1972, КОХМ), где колорит сумрачен, приглушен и уступает место выразительности линии, налицо изобразительная метафора: древесный корень причудливой формы вызывает ассоциацию с огромным хищным насекомым – пауком или скорпионом. Оттенок мрачной агрессивности чувствуется и в колючих сухих бессмертниках, а тяжеловесное пятно декоративной тарелки каслинского литья настораживает своей змеящейся ажурностью.

Особая тема пичугинского творчества – цветы. Еще в детстве художника поражало в них богатство фантазии природы, неистощимой на вариации цвета и формы. Мама Вячеслава Пичугина, Таисия Трофимовна, выращивала в палисаднике и во дворе дома такое разнообразие цветов, что многие курганцы приходили полюбоваться на эту взлелеянную руками женщины красоту. Должно быть, поэтому один из цветочных натюрморов Вячеслав Алексеевич назвал «Воспоминание о маме» (2001). Посвящением матери можно назвать, наверное, и работу «Отчий дом» (1982), где едва ли не главную эмоциональную роль играет настоящее царство цветов, сквозь заросли которых во дворе виднеется родной дом художника. Можно запросто сбиться, пытаясь сосчитать количество цветочных натюрморов Вячеслава Пичугина. Определиться с его самыми любимыми цветами – еще сложнее. Сирень и пионы, хризантемы и розы, каллы и черемуха, медуницы и подснежники, подсолнухи и золотые шары – всего не перечислишь! Остается лишь восхищаться редкой способностью живописца подобно талантливому ученику взять у учителя-природы всё самое лучшее и приумножить её красоту в своих творениях. И не важно, в какой оправе драгоценность, в какой вазе – хрустальной, керамической или стеклянной, искусно подобранной художником, – а то и вовсе обычной банке или простенькой деревенской посудине предстают перед зрителем цветы. Они самодостаточны как удивительное чудо природы, данное нам для радости жизни.

Среди пейзажистов Кургана Вячеслав Пичугин выделяется колористической смелостью, особым декоративным чутьём натуры, потрясающим богатством палитры и узнаваемым своеобразием манеры живописного мазка. В его пейзажах отразилось лирико-романтическое мироощущение. «Весенние дожди» (2003) – это поток синих струй и

фиолетовая радуга над майской зеленью листвы, серебром отливающей на ветру. «Собор в Суздале» (1976) поражает сочетанием форсированной бирюзы чистого неба и насыщенных фиолетовых теней на снегу. Вместе с золотящимися на солнце стенами собора оно образует необычайно радостный и звонкий аккорд. Пейзаж «Колокольный звон» (1996) очень хочется назвать «Рябиновым звоном» – так полыхают на фоне ярко-синего неба рябиновые кисти! Купола соборов перекликаются в нём с рыжим золотом рябиновых листьев, подобно звону колоколов на всю округу заполнивших почти всё пространство пейзажа.

Романтическую натуру художника выдает приподнятость интонаций и интерес к взволнованно-тревожным состояниям природы, как в пейзажах «Поздняя осень» (1967), «Перед грозой» (1986), «Бурный день» (1994), «Деревня Кислянка» (1984).

В 1981 году Вячеслав Пичугин был участником всесоюзной группы художников «По земле Курганской». Путешествуя по Катайскому району, группа остановилась на пленэр в деревне Кислянка, где художников привлёк старинный полуразрушенный храм. Его тёмный силуэт на фоне беспокойного облачного неба мы видим и в пейзаже Вячеслава Пичугина. Вид деревни, как и колорит пейзажа, суров и неприветлив. Дома – без окон, колокольня – без колокола. Петляет по взгоркам размытая дождями дорога, пропадая за горизонтом под тяжелыми тревожными облаками. Почти как у Есенина: «Потонула деревня в ухабинах...» А вот в «Сельском дворике» (1981, КОХМ) из той же поездки, написанном в деревне Зырянка, совсем другое настроение. Всё внимание автора на уютном пространстве дворика, обжитом человеческом уголке, запечатлённом с душевным теплом и симпатией.

Есть дни в календаре природы, когда самые неказистые российские деревушки просто преображаются на глазах. Это короткая пора цветения, когда в каждом палисаднике буйствует сирень, а сады покрыты белой кипенью яблоневого цвета. Именно в эти благословенные дни Вячеслав Пичугин приехал в Борки, где жил тогда курганский живописец Иван Лохматов. Кто только из наших художников не гостил в Борках, не писал в своих этюдах серенькие избы и покосившиеся заборы, могучие тополя и красавцев-гусей на деревенских улочках! Все это есть и в пейзаже нашего художника. Но только у него непритязательный сельский мотив буквально переполнен жизнелюбимой энергией – в каждой вибрации цвета, в каждом темпераментном движении кисти!

Русским художникам всегда была близка тема малой родины, российской глубинки, но в годы, когда вставал небывалой остроты вопрос о судьбе русской деревни, даже столь разные по авторским интонациям пейзажи Вячеслава Пичугина были важнее всяких трескучих фраз и громких дискуссий.

Кто из нас в детстве не любил запрокинуть голову вверх, чтобы увидеть небо сквозь переплетения ветвей в кронах деревьев, почувствовать лёгкое головокружение от слепящего блеска солнца в просветах трепещущей на ветру листвы? Почему-то именно эти детские впечатления всплывают в памяти рядом с пейзажем Вячеслава Пичугина «Солнечный день» (1982). В нем та же игра солнечных зайчиков в узорчатой листве клёнов и на тёплой розовато-охристой земле под деревьями. Тишина и благодать летнего полдня. Блаженное, только в детстве возможное полное слияние с природой. «Когда деревья были большими...» Говорят, этот пейзаж художник написал прямо из дверей своей мастерской в Кургане. Что ж, настоящий художник всегда увидит в натуре повод, чтобы «замесить» на палитре краски.

Тайна творческого вдохновения, должно быть, навсегда останется тайной. Ведь кто бы мог подумать, что оно – вдохновение – настигнет живописца в столь неподходящем для творчества месте, как больничная палата. Наблюдая жизнь города из окон центра, Вячеслав Пичугин, борясь с меланхолией, написал множество этюдов, где окрестности старой филармонии предстают перед зрителем с неожиданной точки зрения. В них изысканное благородство теплого серебристого колорита передает всю прелесть задумчивых зимних дней с их неярким светом белёсого солнца, едва проглядывающего сквозь пелену облаков. Ночные и вечерние этюды из этой серии, напротив, окрашены в романтические тона: яркие огни фонарей и светофоров на улице Куйбышева, лунное

освещение спящего под снежным одеялом дома купца Дунаева (Детской школы искусств) – всё это наш Курган, наделенный Вячеславом Пичугиным своей интригующей тайной.

Не каждый состоявшийся пейзажист может похвастать таким высоким качеством живописных этюдов, чтобы они не проигрывали на выставках рядом с законченными цельными произведениями. Вячеслав Пичугин здесь просто маэстро! Многочисленные вояжи живописца в южные края – Горячий Ключ, Гурзуф, Анапу, Молдавию – увенчались созданием целых серий блестящих (иначе не скажешь!) по мастерству исполнения этюдов, скромных по размеру, но настоящих маленьких шедевров! Для каждой местности в разные годы художник искал и находил единственно верный, предельно выразительный живописный ключ. Обилие солнца в этих этюдах, драгоценные красочные россыпи виртуозных мазков вызывают восторженные эмоции, которые поистине способны излечить любого человека от тоски и депрессии!

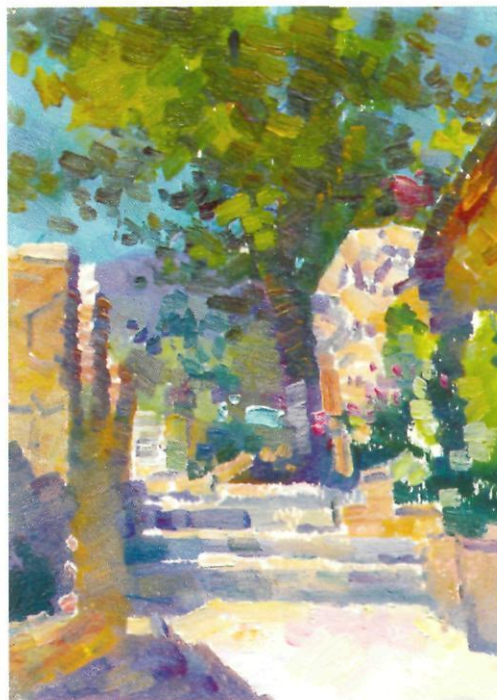
Вспоминается неожиданно яркое впечатление от уже знакомой работы Вячеслава Пичугина на последней региональной выставке в Челябинске. Среди множества полотен и листов самых разных уральских художников, как магнитом, притягивал к себе лишь его холст. А на нём – море, скалы, букет сирени на распахнутом окне и, конечно же, целое море солнца, ликующего, ослепительного, живого!

Всё познается в сравнении. Для кого-то звание живописца – знак цеховой принадлежности. Для Вячеслава Пичугина это единственно возможная форма выражения своей любви к миру через цвет, зажигаемый солнцем, ведь живописцами не становятся, ими рождаются. И этот дар ко многому обязывает.

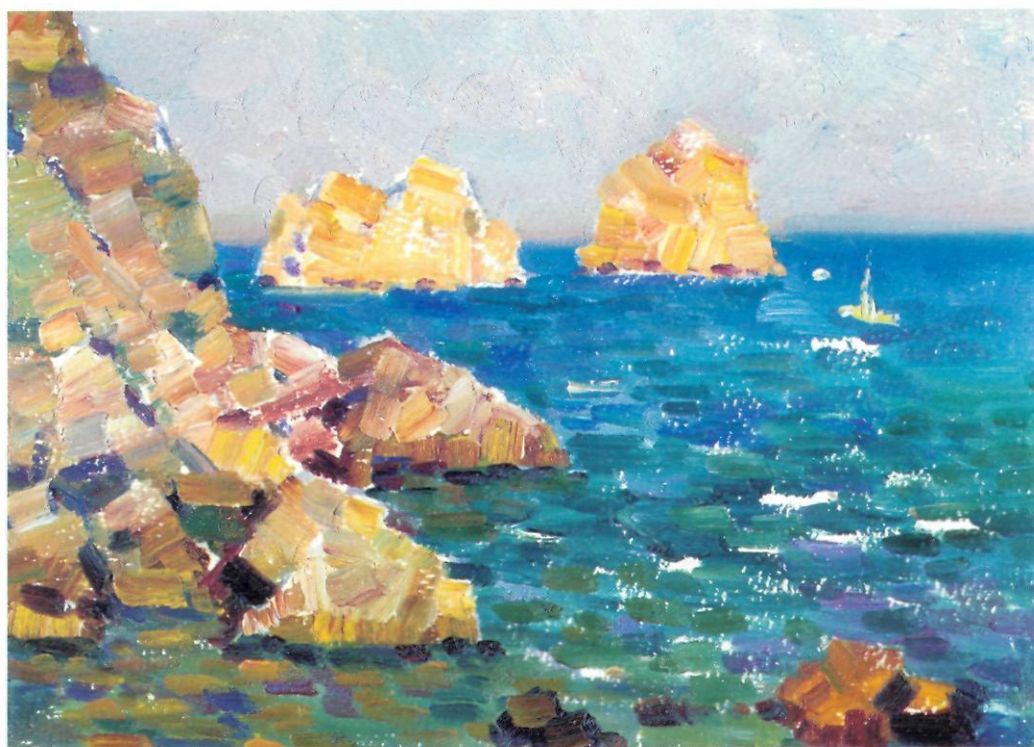
Заслуженный художник России, участник почти сотни выставок, от областных до все-российских и международных, Вячеслав Пичугин в последние годы активно выставляется в США. Думается, что и американские зрители испытывают не меньший восторг перед его живописными откровениями. Курганский областной художественный музей – счастливый обладатель более двадцати полотен Вячеслава Пичугина. Его произведения украшают многие частные коллекции и галереи в России и за рубежом.

В свои 75 лет художник полон энергии и оптимизма. Его этюдного материала хватило бы на многих собратьев по кисти, а он жаждет новых поездок и впечатлений, новых выставок и встреч со зрителями. Пусть он будет счастлив на своём солнечном берегу, а солнце останется его верной путеводной звездой!

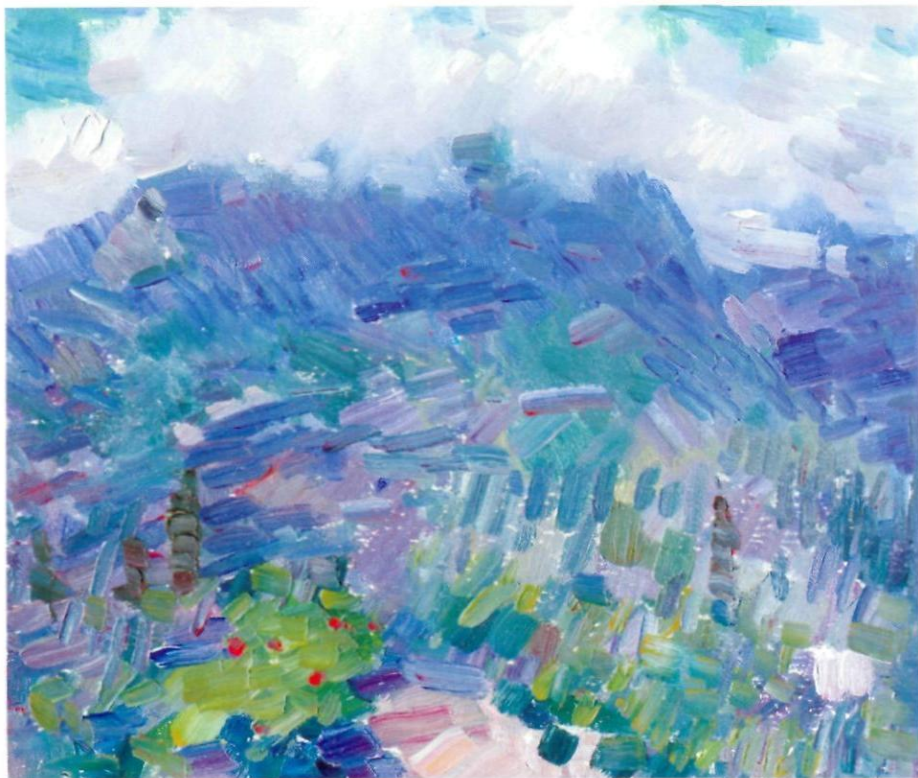
**К 75-летию заслуженного художника России
Вячеслава Пичугина**

Гурзуфская улочка, 2007

Вечерний свет, 2007

После грозы, 2007

Осень в Крыму, 2007

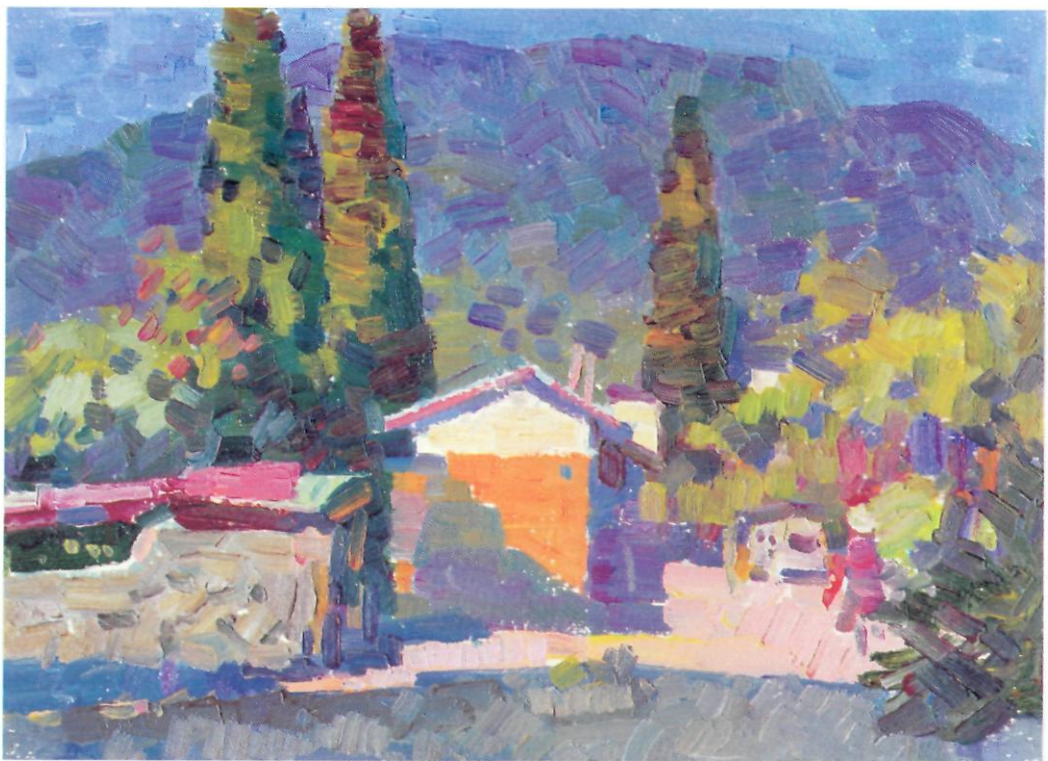
Возвращение с моря, 2007

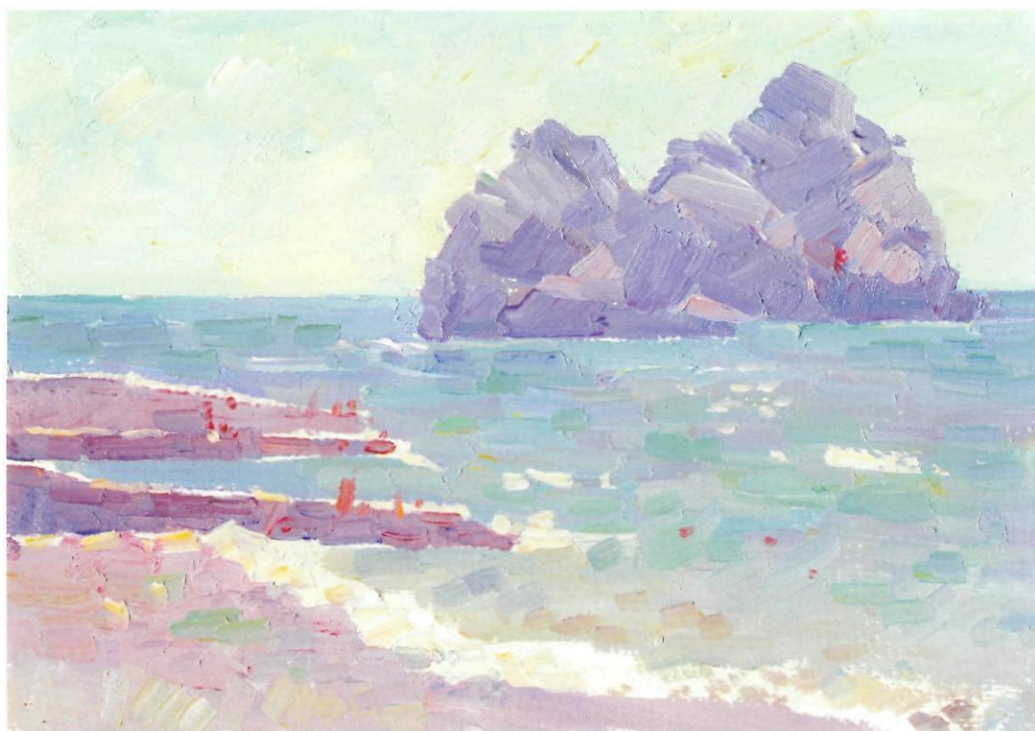
Гурзуф. Домик Чехова, 2007

Гурзуф, 2007

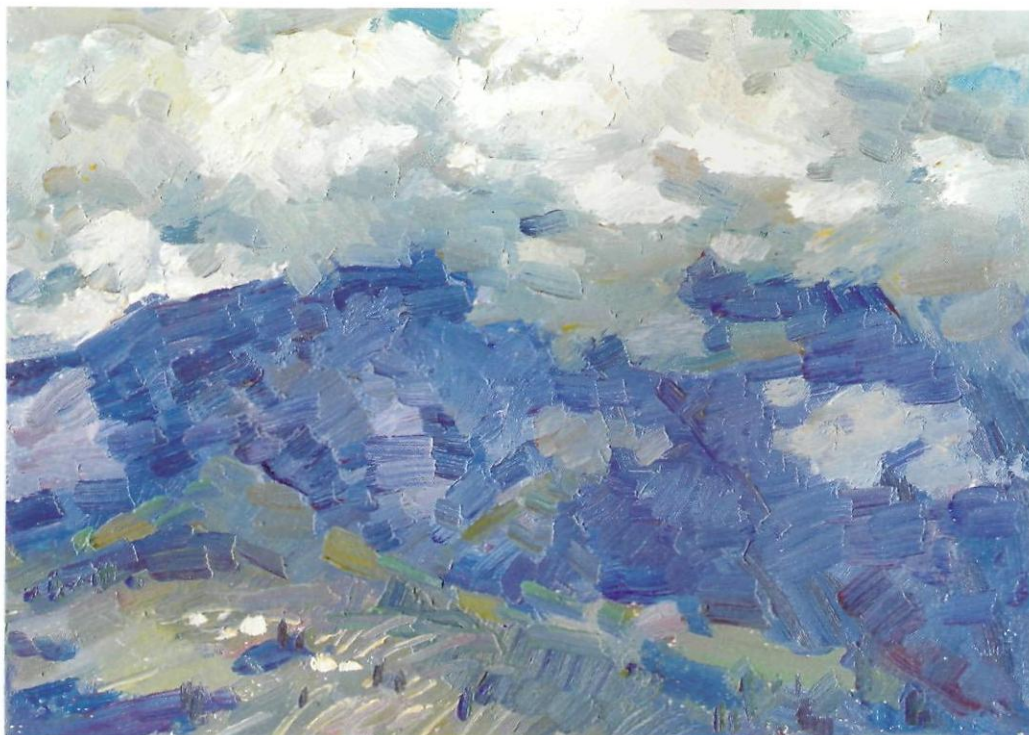
Красный дом, 2007

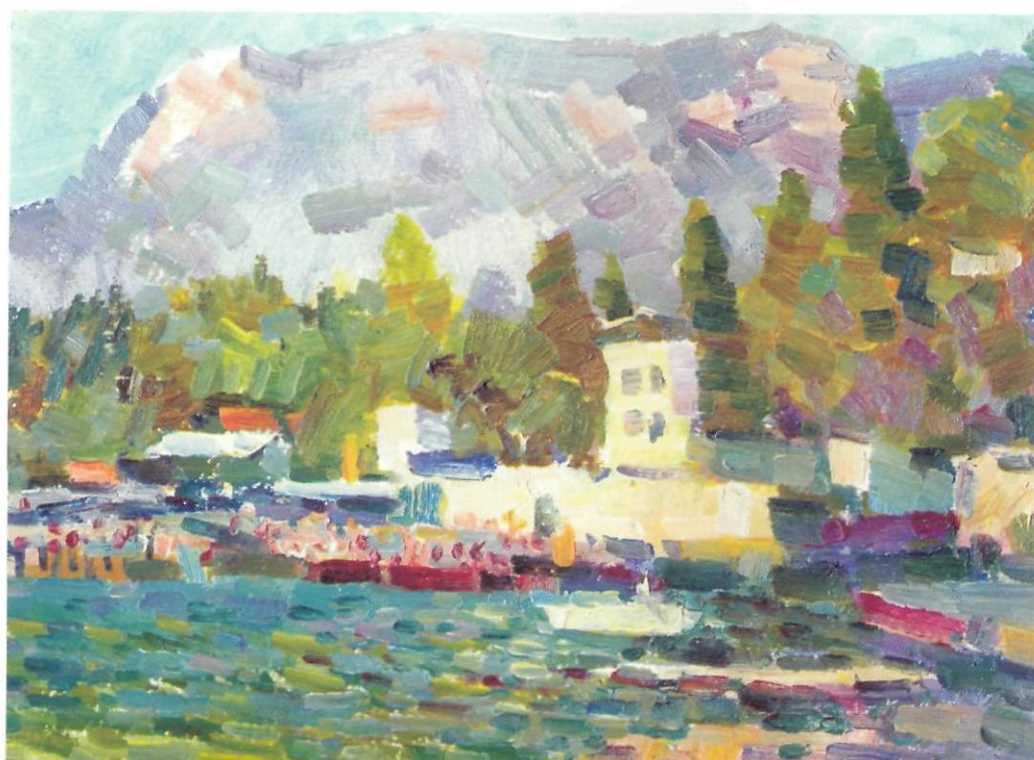
Ада-Лары, 2007

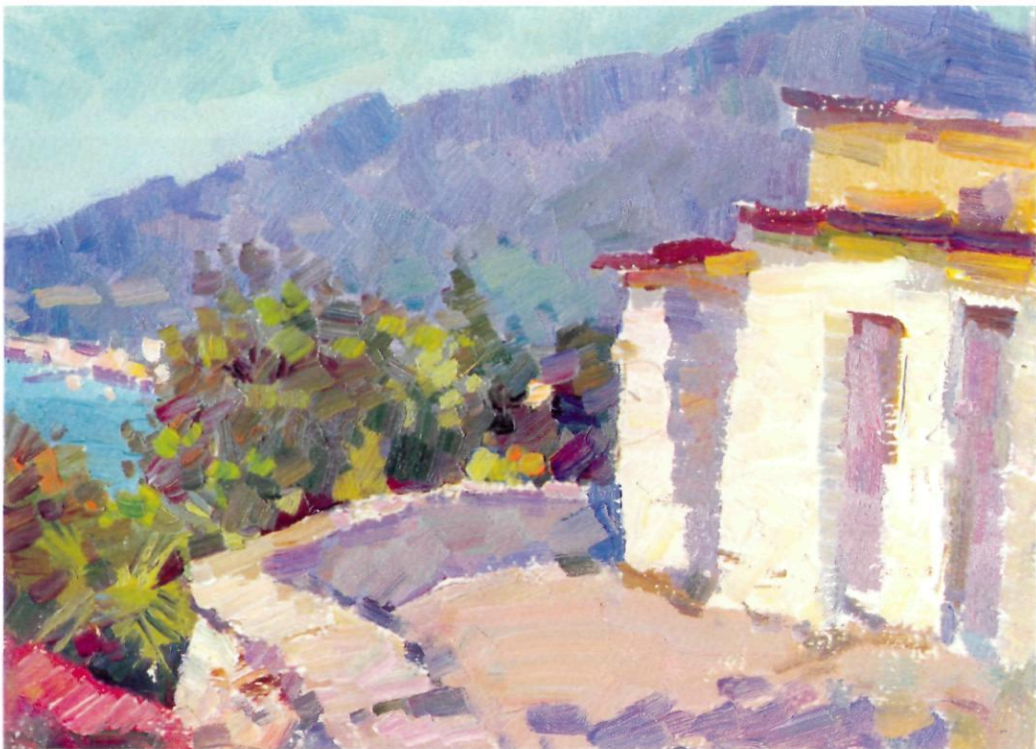
Виноградники, 2007

Перед дождем, 2007

Теплый день, 2007

Домик у моря, 2007

Прощание, 2007